

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIIY-AMALIY JURNALI

2026-yil 2-son

VOLUME 6 / ISSUE 2 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.2.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

**MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT
YURIDIK UNIVERSITETI**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta‘lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas‘ul:
O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Mustafayev,
Y. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvaliyeva,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova,
X. Yuldasheva

Musahhih:

M. Tursunov

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnom

№ 174625, 29.11.2023.

Jurnal 2026-yil 24-aprelda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 13,2
Adadi: 100. Buyurtma: № 61.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

TAHRIR HAY‘ATI

BOSH MUHARRIR

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquqiy tadqiqotlar oliy maktabi direktori, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS‘UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti sho‘basi mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY‘ATI A‘ZOLARI

J. Blum – Amerika Qo‘shma Shtatlarining Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (AQSH)

M. Vishovaty – Polshaning Gdansk universiteti professori (Polsha)

M. Hayat – Muhammadiyah Malang universiteti o‘qituvchisi (Indoneziya)

A. Xashimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti Yoshlar masalalari va ma‘naviy-ma‘rifiy ishlar bo‘yicha birinchi prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

A. Yakubov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro hamkorlik va uzluksiz ta‘lim bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, dotsent

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Qonunchilik palatasi deputati, yuridik fanlar doktori, professor

S. Yusupov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ma‘muriy va moliya huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

E. Egamberdiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

Sh. Ismoilov – Toshkent davlat yuridik universiteti Mehnat huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, dotsent

G. Uzakova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ekologiya huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

G. Yo‘ldasheva – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va inson huquqlari sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

A. Yo‘ldoshev – Toshkent davlat yuridik universiteti Konstitutsiyaviy huquq sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar doktori

R. Altıyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

S. Oripov – Toshkent davlat agrar universiteti Huquqshunoslik kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

F. Hamdamova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti Xalqaro huquq va ommaviy huquq fanlari kafedrasida dotsenti v.b., yuridik fanlar doktori

D. So‘fiyeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi katta o‘qituvchisi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

R. Kuchkarov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquq, jamiyat va madaniyat sho‘basi dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Мустафаев,
Е. Ярмолик,
Э. Шарипов,
К. Абдувалиева,
М. Шарифова,
Ш. Бекназарова,
Х. Юлдашева

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387.

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
24.04.2026.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 13,2. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 61.

Отпечатано в типографии
Ташкентского государственного
юридического университета.
100047, г. Ташкент,
ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

З. Эсанова – проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – директор Высшей школы правовых исследований Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – заведующий сектором узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по филологическим наукам, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – профессор юридической школы Бостонского колледжа (Бостон, США), доктор юридических наук

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

М. Хаят – преподаватель Университета Мухаммадия Маланг (Индонезия)

А. Хашимхонов – первый проректор по делам молодёжи и духовно-просветительской работе Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

А. Якубов – проректор по международным связям и дополнительному образованию Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

М. Ахмедшаева – профессор сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Х. Хайитов – депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

С. Юсупов – заведующий сектором административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Э. Эгамбердиев – доцент сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Ш. Исмоилов – заведующий сектором трудового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

Г. Узакова – профессор сектора экологического права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Г. Юлдашева – профессор сектора международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Юлдошев – доцент сектора конституционного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Р. Алтиев – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

М. Курбанов – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

С. Орипов – доцент кафедры права Ташкентского государственного аграрного университета, доктор философии по юридическим наукам

Ф. Хамдамова – и.о. доцента кафедры международного и публичного права Университета мировой экономики и дипломатии, доктор юридических наук

Д. Суфиева – старший преподаватель сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Р. Кучкаров – доцент сектора права, общества и культуры Ташкентского государственного юридического университета, кандидат филологических наук

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:
O. Choriev

Editors:

E. Mustafaev,
E. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvalieva,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova
Kh. Yuldasheva

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 24.04.2026.

Paper size: A4. Cond.p.f: 13,2.

Units: 100. Order: № 61.

Published in the Printing house of Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Z. Esanova – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Director of the Graduate School of Legal Research of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovaty – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

M. Hayat – Lecturer of the University of Muhammadiyah Malang (Indonesia)

A. Khashimhonov – First Deputy Rector for Youth Affairs and Spiritual and Educational Affairs of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

A. Yakubov – Deputy Rector for International Relations and Further Education of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

M. Akhmedshaeva – Professor of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

Kh. Khayitov – Deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

S. Yusupov – Head of the Department of Administrative and Financial Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

E. Egamberdiev – Associate Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Sh. Ismoilov – Head of the Department of Labor Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

G. Uzakova – Professor of the Department of Environmental Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

G. Yuldasheva – Professor of the Department of International Law and Human Rights of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Yuldoshev – Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

R. Altiev – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

M. Kurbanov – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

S. Oripov – Associate Professor of the Department of Law of Tashkent State Agrarian University, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

F. Hamdamova – Acting Associate Professor of the Department of International Law and Public Law of the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law

D. Sufieva – Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

R. Kuchkarov – Associate Professor of the Department of Law, Society and Culture of Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences

MUNDARIJA

12.00.01 – DAVLAT VA HUQUQ NAZARIYASI VA TARIXI. HUQUQIY TA'LIMOTLAR TARIXI

8 MUHAMMADJONOV ABRORJON AKMALJON O'G'LI

Davlat hokimiyati tizimida prokuraturaning o'рни va ahamiyati haqida ayrim mulohazalar

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI.
XALQARO XUSUSIY HUQUQ

17 SHAMSHETOV SHARAFDIN SARSENOVICH

Mikrokreditlashni turli huquqiy tizimlarda tartibga solish modellarining qiyosiy tahlili

32 ABROROVA KAMOLA SAIDMUXTOROVNA

O'zbekistonda xalqaro tijorat va investitsiyaviy nizolarning kelajagi: mediatsiya va arbitraj sinergiyasi

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

42 MATVIYENKO IRINA ALEKSANDROVNA, NAIM ALLAHRAKHA

O'zbekistonda ayollarga nisbatan kiberta'qib: amaldagi qonunchilik va islohotlar istiqboli

55 JALILOV RAVSHANJON ABDUKAYUMOVICH, ABDULLAYEV AKMALJON YO'LCHIBOYEVICH

Inson a'zolari va to'qimalarini olish maqsadini jinoyatning og'irlashtiruvchi belgisi sifatida aks ettirish masalalari

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

64 SUROPOV AZAMAT FURQAT O'G'LI

Migrantlar huquqlarini himoya qilishning xalqaro-huquqiy asoslari

76 ABDIYEVA KAMOLA KOMILJONOVNA

O'zbekiston Respublikasidagi raqamli muhitda ayollar huquqlarini himoya qilish xalqaro standartlari implementatsiyasi: xalqaro-huquqiy tahlil va milliy amaliyot

12.00.13 – INSON HUQUQLARI

87 BEKBO'TAYEVA LOBAR SHOVIKAT QIZI

Muqobil vasiylik kontekstida bola huquqlarining mohiyati, tasnifi va funksiyalarining nazariy-huquqiy tahlili

101 SADULLAYEVA SHOXISTA DAVRON QIZI

Axborot kodeksi orqali raqamli texnologiyalar davrida inson huquqlarini himoya qilish: huquqiy va institutsional mexanizmlar tahlili

110 AZIMOV HAKIMALI IMOMOVICH

Buyuk saltanat va umumbashariyat taraqqiyotiga qo'shilgan bebaho tarixiy meros

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

8 МУХАММАДЖОНОВ АБРОРЖОН АКМАЛЖОН УГЛИ

Некоторые соображения о месте и значении прокуратуры в системе государственной власти

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

17 ШАМШЕТОВ ШАРАФАТДИН САРСЕНОВИЧ

Сравнительный анализ моделей правового регулирования микрокредитования в различных правовых системах

32 АБРОРОВА КАМОЛА САИДМУХТОРОВНА

Будущее международных коммерческих и инвестиционных споров в Узбекистане: синергия медиации и арбитража

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

42 МАТВИЕНКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, НАИМ АЛЛАХРАКХА

Киберпреследование женщин в Узбекистане: действующее законодательство и перспективы реформирования

55 ЖАЛИЛОВ РАВШАНЖОН АБДУКАЮМОВИЧ, АБДУЛЛАЕВ АКМАЛЖОН ЮЛЧИБОЕВИЧ

Вопросы отражения цели изъятия органов и тканей человека как отягчающего признака преступления

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

64 СУРОПОВ АЗАМАТ ФУРКАТ УГЛИ

Международно-правовые основы защиты прав мигрантов

76 АБДИЕВА КАМОЛА КОМИЛЖОНОВНА

Имплементация международных стандартов защиты прав женщин в цифровой среде в Республике Узбекистан: международно-правовой анализ и национальная практика

12.00.13 – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

87 БЕКБУТАЕВА ЛОБАР ШОВКАТ КИЗИ

Теоретико-правовой анализ сущности, классификации и функций прав ребёнка в контексте альтернативной опеки

101 САДУЛЛАЕВА ШОХИСТА ДАВРОН КИЗИ

Защита прав человека в эпоху цифровых технологий посредством информационного кодекса: анализ правовых и институциональных механизмов

110 АЗИМОВ ХАКИМАЛИ ИМОМОВИЧ

Великая держава и бесценное историческое наследие, внесённое в развитие всего человечества

CONTENTS

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

- 8 **MUHAMMADJONOV ABRORJON AKMALJON UGLI**
Some considerations on the role and significance of the prosecutor's office in the system of state power
-

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- 17 **SHAMSHETOV SHARAFATDIN SARSENOVICH**
Comparative analysis of legal regulation models for microcredit in different legal systems
- 32 **ABROROVA KAMOLA SAIDMUKHTOROVNA**
The future of international commercial and investment disputes in Uzbekistan: the synergy of mediation and arbitration
-

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- 42 **MATVIENKO IRINA ALEKSANDROVNA, NAEEM ALLAHRAKHA**
Cyberstalking of women in Uzbekistan: current legislation and prospects for reform
- 55 **JALILOV RAVSHANJON ABDUKAYUMOVICH, ABDULLAEV AKMALJON YULCHIBOEVICH**
Issues of reflection of the purpose of removing human organs and tissues as an aggravating element of the crime
-

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

- 64 **SUROPOV AZAMAT FURQAT UGLI**
International legal foundations for the protection of migrants' rights
- 76 **ABDIYEVA KAMOLA KOMILJONOVNA**
Implementation of international legal standards for the protection of women's rights in the digital environment in the Republic of Uzbekistan: an international legal analysis and national practice
-

12.00.13 – HUMAN RIGHTS

- 87 **BEKBUTAeva LOBAR SHOvkAT KIZI**
Theoretical and legal analysis of the essence, classification and functions of child's rights in the context of alternative care
- 101 **SADULLAEVA SHOKHISTA DAVRON KIZI**
Protection of human rights in the digital age through the information code: analysis of legal and institutional mechanisms
-

- 110 **AZIMOV HAKIMALI IMOMOVICH**
A great empire and an invaluable historical heritage added to universal human progress

Kelib tushgan / Получено / Received: 18.03.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 08.04.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.04.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.2./JZSJ4698>

UDC: 343.2/.7:343.9:004(045)(575.1)

КИБЕРПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЖЕНЩИН В УЗБЕКИСТАНЕ: ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Матвиенко Ирина Александровна,

студентка магистратуры

Ташкентского государственного

юридического университета

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1145-7482>

e-mail: irinamatvienkouz@gmail.com

Наим АллахРакха,

доктор философии по юридическим наукам,

доцент сектора «Право и технологии»

Ташкентского государственного

юридического университета

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3001-1571>

e-mail: Chaudharynaeem133@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена оценке способности действующего законодательства Узбекистана квалифицировать систематическое цифровое преследование женщин как самостоятельное правовое явление. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией страны при отсутствии специального правового регулирования в данной сфере. На основе доктринального анализа национальных норм Кодекса об административной ответственности и Уголовного кодекса, а также сравнительно-правового анализа законодательства Казахстана, Великобритании и Южной Кореи выявлены четыре системных пробела: отсутствие самостоятельного состава преследования, гендерная нейтральность действующих норм, ограниченность охранных ордеров в цифровой среде и отсутствие механизма ответственности провайдеров. Результаты исследования могут быть использованы при разработке законодательных предложений во исполнение Указа Президента Республики Узбекистан № УП-33 2026 года. Предлагается четырёхкомпонентная стратегия реформирования: национальная стратегия противодействия насилию, концептуальное признание технологически обусловленного гендерного насилия в профильном законе, самостоятельный уголовно-правовой состав и институциональная инфраструктура поддержки пострадавших.

Ключевые слова: гендерное насилие, киберпреследование, технологически обусловленное гендерное насилие, уголовно-правовое регулирование, законодательные пробелы, охранный ордер, реформа законодательства

O'ZBEKISTONDA AYOLLARGA NISBATAN KIBERTA'QIB: AMALDAGI QONUNCHILIK VA ISLOHOTLAR ISTIQBOLI

Matviyenko Irina Aleksandrovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
magistratura talabasi

Naim AllahRakha,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Huquq va texnologiyalar sho'basida dotsenti,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori

Annotatsiya. Maqola O'zbekiston amaldagi qonunchiligining ayollarga nisbatan tizimli ravishda amalga oshiriladigan raqamli ta'qibni mustaqil huquqiy hodisa sifatida kvalifikatsiya qilish imkoniyatlarini baholashga bag'ishlangan. Tadqiqotning dolzarbligi mamlakat raqamlashuvi jadal sur'atlar bilan rivojlanayotgan sharoitda ushbu sohadagi maxsus huquqiy tartibga solish mexanizmlari mavjud emasligi bilan belgilanadi. Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeks va Jinoyat kodeksining tegishli normalarini doktrinal tahlil qilish, shuningdek, Qozog'iston, Buyuk Britaniya va Janubiy Koreya qonunchiligini qiyosiy-huquqiy tahlil qilish asosida to'rtta tizimli bo'shliq aniqlangan. Bular: ta'qib uchun mustaqil jinoyat tarkibining yo'qligi, amaldagi normalarning gender jihatdan betarafligi, raqamli muhitda himoya orderlari imkoniyati cheklanganligi va provayderlar javobgarligi mexanizmi mavjud emasligidir. Tadqiqot natijalari O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2026-yildagi PF-33-sonli farmoni ijrosi doirasida qonunchilik takliflari ishlab chiqishda qo'llanishi mumkin. Muallif tomonidan to'rt komponentli islohotlar strategiyasi: zo'ravonlikka qarshi kurashish bo'yicha milliy strategiya, sohaga oid qonunda texnologiya orqali amalga oshiriladigan gender zo'ravonlikni konseptual tan olish, mustaqil jinoyat-huquqiy tarkibni belgilash va jabrdiydalarni qo'llab-quvvatlashning institutsional infratuzilmasini yaratish taklif etilmoqda.

Kalit so'zlar: gender zo'ravonlik, kiberta'qib, texnologiyalar vositasida sodir etiladigan gender zo'ravonligi, jinoyat-huquqiy tartibga solish, qonunchilikdagi bo'shliqlar, himoya orderi, qonunchilik islohoti

CYBERSTALKING OF WOMEN IN UZBEKISTAN: CURRENT LEGISLATION AND PROSPECTS FOR REFORM

Matvienko Irina Aleksandrovna,
Master's Student of Tashkent State University of Law

Naeem AllahRakha,
Associate Professor of the Department of Law and Technology,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. The article is dedicated to assessing the ability of Uzbekistan's current legislation to qualify systematic digital harassment of women as an independent legal phenomenon. The relevance of the study is driven by the rapid digitalization of the country, despite the absence of special legal regulation in this field. Based on a doctrinal analysis of the national norms of the Code of Administrative Responsibility and the Criminal Code, as well as a comparative legal analysis of the legislation of Kazakhstan, Great Britain, and South Korea, four systemic gaps were identified: the absence of an independent prosecution structure, gender neutrality of existing norms, limited protection orders in the digital environment, and the absence of a provider liability mechanism. The research results can be used in developing legislative proposals to implement the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-33 dated

2026. A four-component reform strategy is proposed: a national strategy for countering violence, the conceptual recognition of technologically conditioned gender-based violence in specialized legislation, an independent criminal legal framework, and an institutional infrastructure to support victims.

Keywords: gender-based violence, cyberstalking, technology-facilitated gender-based violence, criminal law regulation, legislative gaps, protection order, legal reform

Введение

Цифровизация общественной жизни открыла новые возможности для участия женщин в публичном пространстве, одновременно создав новые механизмы контроля и запугивания. Одной из наиболее распространённых форм технологически обусловленного гендерного насилия (Technology-Facilitated Gender-Based Violence, TFGBV) является киберпреследование, представляющее собой намеренное и систематическое использование цифровых каналов коммуникации для преследования, слежки и запугивания другого человека (Nwafor, 2024; Fissel, 2023). Это явление нередко рассматривается как цифровое продолжение офлайн-преследования, особенно в контексте существующих или бывших партнёрских отношений (Aslan & Saddiki, 2024; Ivanova, 2023).

Международные данные устойчиво фиксируют гендерную асимметрию явления. Согласно Национальному опросу по сексуализированному насилию и насилию со стороны интимного партнёра (NISVS), 31 % женщин и 16 % мужчин сталкивались с преследованием, причём почти четверть женщин пережили такой опыт до достижения 18 лет (Smith & Dhillon, 2023). Доклад организации ООН «Женщины» по странам Восточной Европы и Центральной Азии фиксирует, что цифровые технологии всё чаще используются как инструмент контроля в партнёрских отношениях, а не только как канал анонимного преследования (UN Women, 2023). При этом до 86 % пострадавших не обращаются в правоохранительные органы из-за недоверия к системе и низких

ожиданий от её эффективности (Fissel, 2023), что само по себе указывает не на системные недостатки в механизмах защиты.

Для Узбекистана проблема приобретает особую актуальность в контексте стремительной цифровизации. На начало 2025 года число пользователей Интернета в стране достигло 32,7 миллиона человек при уровне проникновения 89 %, а аудитория социальных сетей выросла за год на 33,9 % (United Nations Population Fund, 2026). Расширение цифровой инфраструктуры создаёт условия, при которых традиционные формы преследования приобретают новое измерение – анонимность, масштабируемость и неограниченность во времени делают цифровое преследование качественно иным явлением по сравнению с офлайн-аналогом (Mussies, 2025).

Вместе с тем правовая система Узбекистана не располагает специальным инструментарием для противодействия этому явлению. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-33 от 3 марта 2026 года поставил задачу разработать предложения об установлении ответственности за преследование (сталкинг) и кибернасилие (President of Uzbekistan, 2026), переводя вопрос из плоскости академической дискуссии в повестку законодательной реформы. Это делает анализ действующего законодательства особенно актуальным.

В настоящей статье исследуется, способно ли действующее законодательство Узбекистана квалифицировать систематическое цифровое преследование, и какие нормативные пробелы препятствуют

эффективной защите женщин. На основе доктринального анализа действующих норм и международного опыта предлагается стратегия законодательного реформирования в рамках исполнения вышеобозначенного указа.

Основная часть

Понятие киберпреследования в международном праве. Киберпреследование представляет собой намеренное и систематическое использование цифровых каналов коммуникации для преследования, слежки и запугивания другого человека (Nwafor, 2024; Fissel, 2023). Ключевыми элементами, отличающими его от единичных случаев нежелательного контакта, остаются намеренность действий, их повторяемость и направленность на причинение страха пострадавшим (Wilson et al., 2021; Davidson et al., 2019). Конкретные формы варьируются широко: навязчивые сообщения, публикация персональных данных без согласия, создание поддельных аккаунтов, использование шпионских программ, GPS-мониторинг местонахождения, распространение интимных изображений (Bussu et al., 2025; Leite et al., 2023). Объединяет их не технический способ совершения, а паттерн поведения, выражающийся в систематическом, целенаправленном давлении на конкретного человека вопреки его выраженному несогласию.

Цифровая среда не просто переносит преследование в онлайн-пространство, но качественно меняет его природу. Анонимность снижает психологический порог совершения: преследователь может действовать без непосредственного физического присутствия, что снижает для него ощущение риска и ответственности. Масштабируемость многократно усиливает воздействие: одно сообщение может быть мгновенно продублировано через десятки платформ, переслано третьим лицам, использовано для публичной дискредита-

ции. Отсутствие физических и временных границ делает преследование непрерывным: пострадавшее лицо не может «уйти» из пространства, в котором оно происходит, не отказавшись от цифровой коммуникации со своим окружением в целом (Mussies, 2025). Именно эти характеристики трансформируют киберпреследование в самостоятельный феномен, требующий специального правового инструментария.

В международных документах киберпреследование рассматривается как составная часть технологически обусловленного гендерного насилия. Согласно докладу Генерального секретаря ООН (United Nations, 2024a), TFGBV охватывает широкий спектр действий с применением цифровых технологий – от онлайн-преследования до цифрового контроля в партнёрских отношениях. Общая рекомендация № 35 Комитета CEDAW прямо квалифицирует насилие с использованием цифровых технологий как форму гендерного насилия и возлагает на государства ответственность за его предотвращение (United Nations, 2017). Стамбульская конвенция определяет преследование как умышленное повторяющееся поведение, вызывающее страх у пострадавшей за свою безопасность, и обязывает государства-участников криминализировать его как самостоятельное деяние (Council of Europe, 2011). Директива ЕС 2024/1385 закрепляет аналогичное требование применительно к онлайн-преследованию, распространяя его на все государства-члены (European Union, 2024). Узбекистан в октябре 2025 года подписал Конвенцию ООН против киберпреступности (United Nations, 2024b), подтвердив намерение привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами защиты прав человека в цифровой среде.

Методология. Настоящее исследование представляет собой доктринальный пра-

вовый анализ, направленный на оценку способности действующего законодательства Узбекистана квалифицировать систематическое цифровое преследование как самостоятельное явление. Доктринальный метод предполагает системное изучение нормативно-правовых актов, их толкование в контексте целей регулирования и выявление структурных пробелов, препятствующих эффективному правоприменению (McConville & Chui, 2017).

Нормативный уровень анализа включает изучение релевантных статей Кодекса об административной ответственности и Уголовного кодекса Республики Узбекистан, а также профильного законодательства, включающего Закон «О защите женщин от притеснений и насилия» (Republic of Uzbekistan, 2019a), Закон «О персональных данных» (Republic of Uzbekistan, 2019b), Закон «О кибербезопасности» (Republic of Uzbekistan, 2022) и Указ Президента № УП–33 (President of the Republic of Uzbekistan, 2026). Каждая норма оценивается с точки зрения её способности охватить три ключевых признака киберпреследования: намеренность, систематичность и причинение страха пострадавшей.

Сравнительно-правовой уровень предусматривает анализ законодательства трёх юрисдикций, отобранных по двум критериям: наличие самостоятельного состава преследования и сопоставимость с Узбекистаном по одному или нескольким параметрам. Казахстан отобран по критерию принадлежности к одной правовой семье и схожести социокультурной среды. Великобритания и Южная Корея были выбраны как юрисдикции с развитыми системами противодействия преследованию, включающими как уголовно-правовые составы, так и институциональную инфраструктуру поддержки пострадавших. Сравнительный анализ носит функциональный характер и направ-

лен на выявление регуляторной логики, применимой в контексте Узбекистана.

Исследование имеет ряд ограничений. Оно опирается исключительно на нормативный материал и не включает анализ правоприменительной практики, что обусловлено отсутствием официальной гендерно-дезагрегированной статистики по цифровому насилию в Узбекистане. Это ограничение одновременно является частью проблемы, которую данное исследование описывает: отсутствие данных само по себе свидетельствует о системном пробеле в механизмах реагирования.

Действующие нормы Узбекистана и их применимость к киберпреследованию. Законодательство Узбекистана не содержит ни определения киберпреследования, ни специального состава, охватывающего систематическое цифровое преследование как самостоятельное деяние. Вместе с тем ряд действующих норм частично пересекается с отдельными элементами этого явления. Ниже рассматривается каждая из них с точки зрения того, какой именно элемент киберпреследования она способна захватить и где её применимость заканчивается.

Статья 41¹ Кодекса об административной ответственности (КоАО) устанавливает ответственность за домогательство и иные формы притеснения. Норма применима к отдельным эпизодам нежелательного контакта: навязчивым обращениям, оскорбительным высказываниям, нежелательным прикосновениям. Однако при её применении каждый эпизод оценивается изолированно, тогда как именно повторяемость действий вопреки выраженному несогласию пострадавшей образует суть преследования. Цифровые каналы коммуникации не упомянуты в норме ни как самостоятельная форма притеснения, ни какотягчающее обстоятельство.

В Уголовном кодексе наиболее релевантны следующие нормы. Статьи 139

и 140 устанавливают ответственность за клевету и оскорбление, в том числе совершённые публично или с использованием средств массовой информации. Эти нормы теоретически применимы в случаях, когда преследователь публично распространяет ложные сведения о пострадавшей или систематически её оскорбляет. Вместе с тем их предмет ограничен содержанием конкретных высказываний, а не паттерном поведения в целом: норма реагирует на отдельное высказывание, но не на многомесячную кампанию запугивания, включающую в том числе молчаливое наблюдение и слежку. Статьи 141¹, 141², 141³ предусматривают ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни и интимных составляющих жизни человека, а также незаконное обращение с персональными данными. Эти нормы применимы в случаях, когда преследователь собирает, хранит или распространяет личную информацию пострадавшей стороны без её согласия, включая сведения, ущемляющие её честь и достоинство. Их ограничение состоит в том, что они охватывают конкретное действие с данными, но не общий контекст преследования, частью которого это действие является. Статья 143 защищает тайну переписки и сообщений. Она применима в случаях несанкционированного перехвата или раскрытия личной переписки пострадавшей стороны, однако не охватывает ситуации систематического раскрытия переписки и наступает только после применения административного взыскания, что не соответствует тяжести вреда, причиняемому при киберпреследовании. Статьи 278², 278³, 278⁴, 278⁶ криминализируют несанкционированный доступ к компьютерной информации и её модификацию, а также распространение вредоносных программ. Эти нормы могут применяться в случаях взлома аккаунтов или установки шпионского программного обеспечения,

однако их предметом является защита информационных систем, а не защита личности от систематического преследования. В отдельных случаях могут быть задействованы нормы более широкого социального контекста. Статья 126¹ о семейном насилии применима при наличии семейных отношений между преследователем и пострадавшей стороной. Статья 136 о принуждении к вступлению в брак или препятствовании к вступлению в брак может использоваться в ситуациях, когда преследование связано с давлением на пострадавшую женщину, чтобы повлиять на её решение выйти замуж или, напротив, отказаться от своих намерений. Однако обе нормы обусловлены наличием конкретного типа отношений и не охватывают преследование со стороны знакомых или незнакомых лиц.

Общая картина, складывающаяся из анализа перечисленных норм, показывает, что действующая правовая система Узбекистана располагает инструментами для реагирования на конкретные инциденты, такие как оскорбление, распространение данных, несанкционированный доступ. При этом паттерн поведения, образующий преследование, остаётся за пределами правового регулирования. Каждая из норм захватывает один элемент явления и не отражает его системный, длящийся и гендерно обусловленный характер. Именно это и составляет суть нормативного пробела: не отсутствие отдельных инструментов, а отсутствие категории, способной описать и квалифицировать явление в его целостности.

Сравнительный опыт правового регулирования. Анализ зарубежного опыта позволяет выявить регуляторную логику, которая в каждом из рассмотренных случаев обеспечивает эффективность противодействия преследованию. Три юрисдикции – Казахстан, Великобритания и Южная Корея – отобраны по критериям

наличия самостоятельного состава преследования и сопоставимости контекста с Узбекистаном.

Казахстан представляет наибольший компаративный интерес в силу принадлежности к одной правовой семье, схожей социокультурной среды и сопоставимого уровня цифровизации. С 2025 года в Уголовном кодексе Республики Казахстан (УК РК) действует статья 115¹, криминализирующая незаконное преследование лица, выражающееся в действиях, направленных на установление контакта и/или выслеживание лица вопреки его воле, не сопряжённых с насилием, повлёкших существенный вред (Republic of Kazakhstan, 2014). Санкция предусматривает штраф, общественные работы или арест. Казахская модель демонстрирует принципиально важное решение: преследование выделено в самостоятельный состав, а не рассредоточено по нормам об оскорблении, домогательстве или несанкционированном доступе. Вместе с тем состав имеет ограничения: он сформулирован без прямого указания на цифровые каналы и не содержит гендерного квалифицирующего признака, что затрудняет его применение к случаям онлайн-преследования в контексте партнёрских отношений. Отдельного внимания заслуживает критерий «существенного вреда» как условия привлечения к ответственности по статье 115¹ УК РК. Казахское законодательство содержит его определение, включающее, в числе прочего, «возникновение трудной жизненной ситуации у потерпевшего». Вместе с тем перечень последствий ориентирован преимущественно на публично-правовой вред (нарушение работы государственных органов, нарушение государственной границы и т.д.) и не содержит ориентиров, специфичных для ситуации хронического психологического преследования.

Великобритания располагает одной из наиболее развитых нормативных систем противодействия преследованию. Закон о защите от домогательств 1997 года заложил базовую ответственность за систематическое преследование (Great Britain, 1997). Закон о защите свобод 2012 года ввёл два самостоятельных состава: непосредственно преследование и преследование, сопровождающееся страхом насилия, серьёзной тревогой или стрессом (Great Britain, 2012). Закон о защите от преследования 2019 года снизил процессуальный барьер, введя досудебные охранные ордера, выдаваемые полицией (Great Britain, 2019). Закон об онлайн-безопасности обязует платформы своевременно выявлять и удалять незаконный контент (Great Britain, 2023). Институциональным каркасом для реализации этих норм служит Национальная стратегия по борьбе с насилием в отношении женщин и девочек, включающая цифровые формы насилия как самостоятельное измерение и обеспечивающая межведомственную координацию между полицией, прокуратурой, здравоохранением и образованием (UK Government, 2021, 2025). Британский опыт показывает, что эффективность обеспечивается не одной нормой, а системой, в которой уголовно-правовой состав, процессуальные инструменты и стратегический документ образуют единый механизм.

Южная Корея демонстрирует комплексный подход в условиях высокой цифровизации. В 2021 году принят Закон о наказании за преступления преследования, акцентирующий паттерн поведения, а не единичный инцидент (Republic of Korea, 2021). В 2023 году приняты поправки к нему и отдельный Закон о предотвращении преследования и защите пострадавших, развивающий систему поддержки, включая временное жильё и реабилитационные услуги (Republic of Korea, 2023a, 2023b). В апреле

2025 года запущен Национальный центр по реагированию на цифровые сексуальные преступления. Он представляет собой круглосуточный межведомственный хаб, координирующий помощь пострадавшим и удаление незаконного контента с использованием искусственного интеллекта (Ministry of Gender Equality and Family, 2025). Южнокорейская модель встраивает цифровую безопасность женщин в систему гендерного мейнстриминга, охватывающую двенадцать секторов государственной политики (Ministry of Gender Equality and Family, 2023), что отражает логику, при которой безопасность в онлайн-пространстве является компонентом государственной политики гендерного равенства, а не отдельным элементом законодательства.

Все три юрисдикции демонстрируют общую регуляторную логику – эффективное противодействие преследованию начинается с его концептуального выделения как самостоятельного явления, а не с суммирования разрозненных норм. Казахский опыт показывает, что введение самостоятельного состава является минимально необходимым шагом, а опыт Великобритании и Южной Кореи подчёркивает важность институциональной инфраструктуры и стратегического документа, задающего межведомственную координацию.

Правовые пробелы. Из анализа действующих норм и сравнительного опыта вытекают четыре системных пробела.

Первый пробел связан с отсутствием самостоятельного состава преследования. Ни КоАО, ни УК не содержат нормы, охватывающей преследование как таковое, выражаемое в систематическом, целенаправленном поведении, направленном против конкретного человека вопреки его выраженному несогласию. Это означает, что квалификация каждого случая зависит от того, какой конкретный инцидент

удаётся «подобрать» под имеющуюся норму, тогда как паттерн поведения в целом остаётся юридически невидимым. Сравнительный анализ показывает, что именно выделение преследования в самостоятельный состав является отправной точкой эффективного регулирования во всех трёх рассмотренных юрисдикциях.

Вторым барьером является гендерная нейтральность действующих норм. Существующие нормы игнорируют контекст, в котором киберпреследование чаще всего происходит: это существующие или бывшие партнёрские отношения, отказ от вступления в близкие отношения, а также использование технологий как инструмента контроля. Международные данные устойчиво фиксируют гендерную асимметрию явления: женщины подвергаются преследованию значительно чаще и в более тяжёлых формах (Smith & Dhillon, 2023; UN Women, 2023). Важно учитывать, что гендерно нейтральная норма, применяемая к гендерно асимметричному явлению, не обеспечивает полноценной защиты, а воспроизводит неравенство, игнорируя его структурную природу (MacKinnon, 1989).

Третий пробел – ограниченность охранных ордеров применительно к цифровому пространству. Статья 26 Закона «О защите женщин от притеснений и насилия» предусматривает охранные ордера, однако их содержание не охватывает специфику цифрового преследования. Например, запрет контакта через анонимные аккаунты и через третьих лиц онлайн прямо не предусмотрен. На практике это означает, что требования охранных ордеров формально могут быть соблюдены, однако фактически преследование может переместиться исключительно в цифровое пространство. В условиях высокой цифровизации такой подход существенно ограничивает защитную функцию охранных ордеров.

Четвёртый пробел выражен в отсутствии ответственности провайдеров цифровых услуг. Действующее законодательство не устанавливает обязательств для интернет-провайдеров и операторов платформ по сохранению данных, относящихся к предполагаемому преследованию, и не предусматривает порядка их передачи правоохранительным органам. Это создаёт практическую проблему: даже при наличии нормы, криминализирующей преследование, доказать его систематический характер без соответствующих данных крайне затруднительно. Закон «О кибербезопасности» (Republic of Uzbekistan, 2022) регулирует защиту инфраструктуры, но не содержит механизмов реагирования на цифровое насилие в отношении частных лиц.

Перспективы реформирования. Анализ действующих норм показывает, что проблема киберпреследования в Узбекистане не сводится к отсутствию отдельной статьи, а коренится в отсутствии категории, через которую систематическое цифровое преследование могло бы быть квалифицировано как самостоятельное явление. Из этого вытекает логика четырёх взаимозависимых рекомендаций.

Во-первых, необходимо принять национальную стратегию противодействия насилию в отношении женщин и девочек, включающую TFGBV как самостоятельное измерение. Международный опыт показывает, что именно стратегический документ обеспечивает межведомственную координацию и системный характер реагирования. В Великобритании и Южной Корее решающим условием эффективности стала не точечная криминализация, а наличие единой архитектуры, в которую каждая норма вписана как элемент общей концепции (UK Government, 2021, 2025; Ministry of Gender Equality and Family, 2025). Без такого документа меры, предложенные ниже, рискуют воспроизвести

ту же разрозненность, которая характеризует действующее регулирование. В Узбекистане такой стратегии не существует, что само по себе является структурным пробелом.

Во-вторых, необходимо концептуальное признание TFGBV через поправки в Закон «О защите женщин от притеснений и насилия» (Republic of Uzbekistan, 2019a). Необходимо дополнить статью 3 определением TFGBV и прямо включить его в перечень форм насилия. Это создаёт нормативную рамку, в которой последующие изменения в уголовное законодательство приобретают смысловое основание, а не превращаются в разрозненные технические корректировки. Пока право не располагает категорией, описывающей систематическое цифровое преследование как гендерно-обусловленное насилие, любые технические поправки будут воспроизводить ту же нейтральную логику, перемещая деяние из одной универсальной категории в другую, но не меняя его правовой природы (MacKinnon, 1989).

Третьим шагом должно стать введение самостоятельного уголовно-правового состава преследования. За основу может быть взята казахстанская модель (ст. 115¹ УК РК), с четырьмя существенными дополнениями, вытекающими из анализа правовых пробелов: прямое указание на цифровые каналы как самостоятельную форму преследования; гендерный квалифицирующий признак в качествеотягчающего обстоятельства при наличии партнёрского контекста или отказа от вступления в отношения; признание паттерна поведения основным элементом состава (преследование определяется через повторяемость и целенаправленность действий вопреки ясно выраженному несогласию пострадавшей); исключение условия о наступлении существенного вреда как самостоятельного элемента состава, поскольку этот критерий не

учитывает накопительный психологический ущерб от систематического преследования и фактически перекладывает бремя его доказывания на пострадавшую сторону. Состав должен быть помещён в главу о преступлениях против личности, а не в раздел об информационных технологиях, поскольку киберпреследование представляет собой насилие в отношении личности, осуществляемое посредством технологий. Параллельно необходимо дополнить статью 26 Закона «О защите женщин от притеснений и насилия» прямым запретом цифровых форм контакта в рамках охранного ордера, включая контакт через анонимные аккаунты и третьих лиц онлайн.

В-четвёртых, необходимо развивать институциональную инфраструктуру, обеспечивающую доступность защиты на практике. Рекомендуется внедрить цифровой механизм подачи жалоб с возможностью анонимного обращения и сохранения электронных доказательств: отсутствие такого механизма означает, что пострадавшая сторона вынуждена физически явиться в правоохранительные органы с жалобой на поведение, которое она переживает в цифровом пространстве. Кроме того, важно обеспечить регулярную гендерно-чувствительную подготовку следователей и судей, потому что без понимания природы цифрового преследования как длящегося явления правоприменитель может по-прежнему оценивать эпизоды изолированно (данная мера уже предусмотрена пунктами 16 и 17 Указа № УП-33 с 1 января 2027 года). На государственном уровне необходимо создать и поддерживать систему гендерно-дезагрегированного сбора данных о цифровом насилии, поскольку без данных невозможно оценить масштаб проблемы и измерить результаты реформ. И, наконец, важно закрепить на законодательном уровне обязательства

интернет-провайдеров и операторов платформ по удалению контента при верифицированном обращении пострадавшей стороны и сохранению цифровых доказательства для правоохранительных органов. Последняя мера должна быть согласована с Законом «О персональных данных» (Republic of Uzbekistan, 2019b) и обязательствами по Конвенции ООН против киберпреступности (United Nations, 2024b).

Заключение

Настоящее исследование показало, что действующее законодательство Узбекистана не способно квалифицировать киберпреследование как самостоятельное явление. Разрозненные нормы КоАО и УК позволяют реагировать на отдельные инциденты, такие как оскорбление, распространение персональных данных, несанкционированный доступ. При этом остаётся без внимания сам паттерн систематического цифрового преследования, который составляет суть явления. Нормативный анализ выявил четыре системных пробела: отсутствие самостоятельного состава преследования, гендерную нейтральность действующих норм, ограниченность охранных ордеров применительно к цифровому пространству и отсутствие механизма ответственности провайдеров.

Сравнительный анализ опыта Казахстана, Великобритании и Южной Кореи подтверждает, что ни одна из этих юрисдикций не решила проблему путём внедрения разрозненных норм. Во всех трёх случаях отправной точкой стало концептуальное выделение преследования как самостоятельного явления, требующего специального правового инструментария. Казахский опыт показывает минимально необходимый шаг; а британский и южнокорейский подтверждают, что устойчивость результата обеспечивается только при наличии стратегического до-

кумента, задающего межведомственную координацию и выстраивающего институциональную основу.

Принятие Указа Президента № УП-33 от 3 марта 2026 года, поставившего задачу разработать ответственность за сталкинг и кибернасилие, создаёт нормативную основу для системной реформы. Реализация этого поручения будет эффективной при условии предлагаемого последовательного подхода. Национальная стратегия противодействия насилию в отношении женщин и девочек, концепту-

альное признание TFGBV в профильном законе, самостоятельный уголовно-правовой состав, построенный на паттерне поведения, и институциональная инфраструктура поддержки пострадавших образуют единый механизм, в котором каждый элемент обуславливает действенность остальных. Узбекистан располагает политической волей и международными обязательствами для проведения этой реформы, которую важно реализовать системно, а не через точечные поправки к нейтральным нормам.

REFERENCES

1. Aslan, M., & Saddiki, H. (2024). A field study on cyber stalking among university students. *Journal of Awareness*, 9(Special Issue), 61–66. <https://doi.org/10.26809/joa.2257>
2. Bussu, A., Pulina, M., Ashton, S. A., & Mangiarulo, M. (2025). Cyberbullying and cyberstalking in higher education: Policies and practices for supporting students and university staff. *Social Psychology of Education*, 28, 34. <https://doi.org/10.1007/s11218-024-09989-x>
3. Council of Europe. (2001). *Convention on Cybercrime* (CETS No. 185). <https://rm.coe.int/1680081561>
4. Council of Europe. (2011, May 11). *Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence* (CETS No. 210). <https://rm.coe.int/168008482e>
5. Davidson, J., Livingstone, S., Jenkins, S., Gekoski, A., Choak, C., Ike, T., & Phillips, K. (2019). *Adult online hate, harassment and abuse*. Department for Digital, Culture, Media and Sport; UK Council for Internet Safety. https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5d110e2640f0b6200bb2b2da/Adult_Online_Harms_Report_2019.pdf
6. European Union. (2024). *Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence*. <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1385/oj>
7. Fissel, E. R. (2023). Is it a crime? Cyberstalking victims' reasons for not reporting to law enforcement. *Social Sciences*, 12(12), 659. <https://doi.org/10.3390/socsci12120659>
8. Great Britain. (1997). *Protection from Harassment Act 1997*. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1997/40/contents>
9. Great Britain. (2012). *Protection of Freedoms Act 2012*. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/9/contents>
10. Great Britain. (2019). *Stalking Protection Act 2019*. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2019/9/contents>
11. Great Britain. (2023). *Online Safety Act 2023*. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50>
12. Ivanova, L. (2023). Criminal liability for cybercrimes in the BRICS countries. *BRICS Law Journal*, 10(1), 59–87. <https://doi.org/10.21684/2412-2343-2023-10-1-59-87>
13. Leite, Â., Cardoso, S., & Monteiro, A. P. (2023). Dark personality traits and online behaviors: Portuguese versions of cyberstalking, online harassment, flaming and trolling scales. *International*

Journal of Environmental Research and Public Health, 20(12), 6136. <https://doi.org/10.3390/ijerph20126136>

14. MacKinnon, C. A. (1989). *Toward a feminist theory of the state*. Harvard University Press.
15. McConville, M., & Chui, W. H. (2017). *Research methods for law*. Edinburgh University Press.
16. Ministry of Gender Equality and Family. (2023). *Third basic plan for gender equality policy (2023–2027)*. https://www.mogef.go.kr/eng/pr/eng_pr_s101d.do?mid=eng001&bbtSn=709072
17. Ministry of Gender Equality and Family. (2025, April 24). *Second basic plan for the prevention of violence against women (2025–2029) and launch of the National Center for Digital Sexual Crime Response*. <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=270565>
18. Mussies, M. (2025). Stalked by code: Navigating the psychological and legal landscapes of online harassment. *International Journal for Crime, Law, and AI*. https://www.researchgate.net/publication/393141126_Stalked_by_Code_Navigating_the_Psychological_and_Legal_Landscapes_of_Online_Harassment
19. Nwafor, I. E. (2024). Cyberstalking in Nigeria: An exploratory study of Section 24 of the Nigerian Cybercrimes (Prohibition, Prevention, Etc.) (Amendment) Act, 2024. *International Cybersecurity Law Review*, 5(3), 443–458. <https://doi.org/10.1365/s43439-024-00126-0>
20. President of Uzbekistan. (2026). *Presidential Decree No. DP-33 on additional measures to strengthen the protection of women and children* (March 3). Lex.uz. <https://lex.uz/docs/8070196>
21. Republic of Kazakhstan. (2014). *Criminal Code*. Adilet Legal Information System. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>
22. Republic of Korea. (2021). *Act on punishment of crime of stalking, Act No. 18083*. Korea Legislation Research Institute. https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=63352&type=part&key=9
23. Republic of Korea. (2023a). *Act on prevention of stalking and protection of victims, Act No. 19216*. Korea Legislation Research Institute. https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=62577&type=sogan&key=11
24. Republic of Korea. (2023b). *Act on punishment of crime of stalking (Amendment), Act No. 19518*. Korea Legislation Research Institute. https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=63352&type=part&key=9
25. Republic of Uzbekistan. (1994a). *Code of administrative responsibility of the Republic of Uzbekistan*. Lex.uz. <https://lex.uz/docs/97661>
26. Republic of Uzbekistan. (1994b). *Criminal Code*. Lex.uz. <https://lex.uz/docs/111457>
27. Republic of Uzbekistan. (2019a). *Law of the Republic of Uzbekistan on protection of women from oppression and violence, No. LRU-561*. Lex.uz. <https://lex.uz/docs/4494712>
28. Republic of Uzbekistan. (2019b). *Law of the Republic of Uzbekistan on personal data, No. LRU-547*. Lex.uz. <https://lex.uz/docs/4396428>
29. Republic of Uzbekistan. (2022). *Law of the Republic of Uzbekistan on cybersecurity, No. LRU-764*. Lex.uz. <https://lex.uz/ru/docs/5960609>
30. Smith, K., & Dhillon, G. (2023). Re-framing the policy conversation for preventing cyberstalking. *Internet Research*, 33(1), 84–123. <https://doi.org/10.1108/intr-03-2021-0169>
31. UK Government. (2021). *Tackling violence against women and girls strategy*. <https://www.gov.uk/government/publications/tackling-violence-against-women-and-girls-strategy>
32. UK Government. (2025). *Freedom from violence and abuse: A cross-government strategy to build a safer society for women and girls*. <https://www.gov.uk/government/publications/freedom-from-violence-and-abuse-a-cross-government-strategy>
33. UN Women. (2023). *The dark side of digitalization: Technology-facilitated violence against women in Eastern Europe and Central Asia*. https://eca.unwomen.org/sites/default/files/2024-01/research-tf-vaw_full-report_24-january2.pdf

34. United Nations Population Fund. (2026). *Review of legislation on technology-facilitated gender-based violence (TFGBV)*. UNFPA Uzbekistan. <https://uzbekistan.unfpa.org/en/publications/review-legislation-technology-facilitated-gender-based-violence-tfgbv>
35. United Nations. (2017). *General recommendation No. 35 on gender-based violence against women, updating general recommendation No. 19*. Committee on the Elimination of Discrimination against Women. <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-recommendation-no-35-2017-gender-based>
36. United Nations. (2024a). *Intensification of efforts to eliminate all forms of violence against women and girls: Technology-facilitated violence against women and girls: Report of the Secretary-General (A/79/500)*. <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2024-10/a-79-500-sg-report-ending-violence-against-women-and-girls-2024-en.pdf>
37. United Nations. (2024b). *United Nations Convention against Cybercrime*. UNODC. <https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/convention/text/convention-full-text.html>
38. Wilson, C., Sheridan, L., & Garratt-Reed, D. (2021). What is cyberstalking? A review of measurements. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(11–12). <https://doi.org/10.1177/0886260520985489>

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2026-YIL 2-SON

VOLUME 6 / ISSUE 2 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.2.